

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 27

Мясник

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Мясник

«Автор»

2026

Карадениз М.

Мясник / М. Карадениз — «Автор», 2026

Идеальный порядок на кухне, безупречная свежесть продуктов и гордость за своё дело — жизнь Евгении Ветровой строилась на контроле. Но одна майская ночь в тихом Тамбове превращает привычную реальность в кошмар. Странное письмо у служебного входа, пугающая фотография из пустого дома напротив и жуткая находка внутри поставки мяса разрушают привычный мир. То, что казалось злой шуткой конкурентов, оказывается лишь верхним слоем тайны, уходящей корнями в далёкое прошлое. «Ты кормишь людей мёртвыми». Теперь Евгении предстоит выбор: отступить и жить в страхе или бросить вызов системе, десятилетиями прятанной следы под вывеской благополучия. Когда за каждым поворотом чужие шаги, а доверие становится смертельной роскошью, понять, кто враг, а кто союзник — сложнее любой загадки. Готовы ли вы заглянуть за кулисы идеального бизнеса? «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ЗАПАХ ЖЕЛЕЗА	8
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мясник

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Время: 14 мая 2025, 23:15

Место: Тамбов, улица Советская, ресторан «Атмосфера», служебный вход

Ресторан «Атмосфера» опустел к половине двенадцатого.

Евгения Ветрова прошла вдоль столов в последний раз, проверяя скатерти. Всё было чисто. Она выключила свет в зале, потом на кухне. Осталась только тусклая лампа над служебным входом — дежурный свет, который горел всю ночь.

Женя стояла у разделочного стола, смотрела на ножи. Самый большой она держала в руке уже двенадцать лет — ещё с той кухни, где начинала посудомойкой. Ей было восемнадцать. Она приехала в Тамбов из района, без денег, без связей. Отец, Сергей Ветров, бывший инженер «Тамбовского порохового», тогда сказал: «Ты справишься. Я в тебя верю». Мать, Галина, работала продавцом в книжном, плакала, обнимала её на вокзале. Женя не плакала. Она не умела.

Пять лет назад она открыла «Атмосферу». Взяла кредит, который банк дал с трудом — отец поручился. Теперь ресторан был её жизнью. Она знала каждую трещину на плитке, каждый звук холодильников, каждый запах. Запах мяса — свежего, правильного, от «Тамбовских угодий». Она могла определить сорт с закрытыми глазами. Это была её гордость.

Она сняла фартук, повесила на крючок, взяла сумку.

Сделала шаг к двери и наступила на бумагу. Хрустнуло под подошвой.

Женя наклонилась. Белый конверт лежал на бетонном полу у самого порога — ровно, аккуратно, будто его положили, пока она была на кухне. Ни марки, ни имени.

Она открыла. Внутри — лист бумаги. Одна фраза. Напечатанная. Без подписи.

«Ты кормишь людей мёртвыми».

Женя моргнула. Фыркнула.

Конкуренты. Ресторан «Старый Тамбов», открывшийся через дорогу в прошлом году. Владелец дважды пытался переманить её поставщиков, один раз звонил и предлагал объединиться. Она отказалась. Теперь вот почеркушки.

Она сунула письмо в сумку, толкнула дверь, вышла на улицу.

Майская ночь дышала теплом. Тамбов спал. Сирень цвела во дворах, запах стоял густой, почти приторный. Женя закурила, выпустила дым в тёмное небо. Тишина. Покой. Она любила эти минуты — когда город засыпал, и можно было просто стоять и никуда не спешить.

Она смотрела в тёмное стекло ресторана, на своё отражение — усталое, с русыми волосами, собранными в пучок, с тенью под глазами.

И вдруг за её спиной — тень.

Движение. Резкое, быстрое, как будто кто-то шагнул к ней сзади.

Женя развернулась.

Никого.

Пустой переулок, мусорные баки, стена соседнего дома. Свет фонаря дрожал, но никого не освещал. Только ветер дёрнул ветку сирени.

Она выдохнула. Привиделось. Двенадцать часов на кухне, жара, ножи, постоянное напряжение.

Она повернулась к двери — и застыла.

На двери, на белой жести прямо над ручкой, висел второй конверт. Такой же белый. Она не видела, как он появился. Она стояла здесь полторы минуты — и никого не было. Дверь выходила в переулок. Никто не мог подойти незаметно.

Женя взяла конверт. Пальцы чуть дрогнули. Она разорвала его.

Фотография.

Её ресторан. Снято через панорамное окно с улицы, крупно. На фото — она сама. Стоит у плиты, в белом фартуке, в руке — большой нож. Она только что нарезала мясо для соуса. Женя узнала момент — сегодня, около семи вечера. Она вспомнила, как наклонилась над доской, как поправила выбившуюся прядь.

Она перевернула фото. На обороте — дата. Сегодняшняя. Время — 19:02. И ещё одна надпись, от руки, аккуратным почерком:

«Ты даже не знаешь, что это было».

Женя подняла глаза. Через дорогу — старый кирпичный особняк. Три этажа. Там был офис, потом всё закрылось. Дом пустовал два года.

Третий этаж. Окно. Горел свет.

Женя смотрела на него. В доме никто не жил. Там не было света два года. Но сейчас — жёлтое пятно на стекле. И вдруг свет погас. Одним движением. Будто кто-то стоял у окна, смотрел вниз, видел, что она заметила. И выключил.

Она не шевелилась. Смотрела в тёмное окно. В нём — отражение фонарей, ветки сирени. И что-то ещё. Точка. Маленькая, круглая, тёмная на фоне стекла. Может, блик. Может, грязь. А может — линза объектива.

Кто-то смотрел на неё. Прямо сейчас. Из пустого дома, из тёмного окна, откуда только что горел свет.

Она сделала шаг назад. Ещё один. Спиной упёрлась в дверь.

В руке — фотография, на которой она стоит с ножом, не зная, что её снимают.

В сумке — письмо: «Ты кормишь людей мёртвыми».

И где-то в темноте, в пустом доме напротив, кто-то стоял у окна и смотрел на неё. Прямо сейчас. Она чувствовала это — холодом в груди, дрожью в пальцах, тяжестью в желудке. Как будто она наступила на край пропасти и только что это осознала.

Женя толкнула дверь, шагнула внутрь, заперлась изнутри. В ресторане было темно и тихо. Она слышала, как бьётся сердце. И слышала — или только казалось? — как за окном, с той стороны улицы, скрипнула старая дверь пустого дома.

Она не знала, что это значит. Она не знала, кто это сделал. Но внутри шевельнулся холод, которого она не чувствовала много лет.

С тех пор, как в восемнадцать лет поняла, что никто за неё не решит её проблем.

Кроме неё самой.

ЧАСТЬ 1. ЗАПАХ ЖЕЛЕЗА

ГЛАВА 1

Время: 15 мая 2025, 09:30

Место: Тамбов, ресторан «Атмосфера», кухня

Женя работала на кухне с шести утра. Когда Тамбов только просыпался — первые автобусы, редкие машины, запах мокрого асфальта и цветущей сирени, — она уже стояла у плиты. Она любила это время: тишину, когда телефон не звонит, когда никто не просит ускориться, когда есть только она, продукты и нож.

Нож был старый, тяжёлый, с деревянной рукояткой. Она держала его в руке двенадцать лет — ещё с той кухни, где начинала посудомойкой. Тогда она мыла посуду по шестнадцать часов и по ночам умоляла поваров: «Покажите, как резать лук». Ей было восемнадцать. Она приехала в Тамбов из района, без денег, без связей, с одной фразой в голове: «Я справлюсь». Отец сказал это на вокзале. Мать плакала. Женя не плакала. Она не умела.

Теперь у неё был собственный ресторан. Она брала кредит, который банк дал с трудом — отец поручился. Сергей Ветров, бывший инженер «Тамбовского порохового», всю жизнь работал с металлом и механизмами, знал, когда деталь выдаёт брак. «Если чувствуешь, что что-то не так, — говорил он, — значит, так и есть». Эта фраза стала её правилом. На кухне она чувствовала всё: температуру мяса, свежесть овощей, настроение персонала. Могла определить, что соус пересолён, за секунду до того, как пробовала. Могла сказать, что мясо было заморожено дважды, просто проведя пальцем по поверхности.

Сегодняшняя поставка пришла в семь утра. Свиная вырезка от «Тамбовских угодий», их постоянного поставщика. Женя вскрыла вакуумную упаковку первой. Вырезка выглядела правильно — бледно-розовая, упругая, с тонкой плёнкой жира. Она провела пальцем по поверхности. Гладкая. Запах — нейтральный, без кислинки. Всё хорошо.

Но она чувствовала что-то. Едва уловимое. Как будто в воздухе был привкус металла — ржавый, холодный, несвежий. Она наклонилась над мясом, вдохнула глубже. Ничего. Только мясо и влажность.

Женя пожала плечами. Усталость. Двенадцать часов за плитой вчера, потом эти письма, этот свет в пустом доме. Она не спала до двух ночи, смотрела в потолок, слушала тишину. Надо выспаться.

Она отложила вырезку в сторону, решив проверить позже, когда голова будет яснее.

Кухня начинала оживать. Два повара — Антон и Коля — пришли следом за ней. Антон, молодой парень с выгоревшими волосами, кивнул ей и пошёл к грилю. Коля, повар постарше, грузный и медленный, взялся за соусы. Женя любила эту слаженность, когда все знают свои места, когда звуки кухни сливаются в привычный ритм: шипение масла, звон посуды, короткие команды.

Она подошла к сумке, висевшей на крючке у входа. Достала письмо. Белый конверт без марки. Внутри — лист бумаги.

«Ты кормишь людей мёртвыми».

Она перечитала. Сжала в кулаке. Конкуренты. «Старый Тамбов», открывшийся через дорогу. Владелец, мужик с Краснодара, недавно приезжал и предлагал объединиться. Она отказалась. «Это не бизнес, — сказала она тогда. — Это моя жизнь». Он улыбнулся и ушёл.

Письмо, фотография, свет в пустом доме — всё это было его рук делом. Она была уверена. Просто попытка вывести её из равновесия. Отвлечь.

Женя сунула письмо обратно в сумку.

— Женя, — позвал Коля из угла. — Мясо к соусу?

— Да, сейчас.

Она взяла вырезку, положила на разделочную доску. Взяла нож. Тяжёлый, привычный, лезвие отточено до бритвенной остроты. Она работала быстро, ровно, почти не глядя. Мясо поддавалось легко — хорошо отбитое, мягкое. Пальцы двигались сами. Тонкие ломтики, ровные, аккуратные.

Она думала о вчерашнем вечере. О том, как стояла у двери, как нашла письмо. О том, как тень мелькнула за спиной. О том, как горел свет в пустом доме и как он погас, когда она посмотрела. О том, как в темноте окна она увидела точку. Линзу объектива.

Кто-то смотрел на неё. Она знала это.

Нож остановился. Она почувствовала что-то твёрдое, непохожее на мясо. Металлический хруст, который не должен был быть.

Женя опустила нож. Раздвинула края разреза пальцами. Внутри — тёмный блеск. Она взяла пинцет, тот самый, которым укладывала микрозелень на тарелки. Аккуратно ввела в разрез. Зацепила. Вытащила.

Небольшой металлический предмет, желтоватый, с серым налётом. Коронка. Зубная коронка. Старая, потёртая. Она положила её на ладонь, повернула к свету. На внутренней стороне — гравировка: «С-37-82». Она не знала, что это значит. Но поняла одно: это человеческий зуб. Чей-то зуб, который оказался внутри мяса.

Запах металла стал отчётливее. Она могла поклясться — он исходил от коронки. Или от её собственных рук. Или от воздуха.

— Женя, — снова позвал Коля. — Соус?

— Позже.

Она завернула коронку в салфетку. Положила в карман фартука. Мясо — в отдельный пакет, в холодильник. Отдельно от всех продуктов.

Антон посмотрел на неё с удивлением:

— Что-то не так?

— Всё нормально, — сказала Женя. — Продолжайте.

Она отошла к раковине, включила воду. Горячая, почти обжигающая. Она долго мыла руки — с мылом, тёрла щёткой, смотрела на свои пальцы. Они дрожали.

«Ты кормишь людей мёртвыми».

Она представила, что это значит. Представила, что мясо, которое она резала, которое она подавала клиентам, которое она ела сама, могло быть не свининой. Не говядиной. Чем-то другим.

Её вырвало. Она наклонилась над раковиной, держалась за край, дышала глубоко. Потом умылась холодной водой, вытерла лицо полотенцем.

Посмотрела на себя в зеркало — маленькое, над раковиной. Бледная, с тёмными кругами под глазами. Она сняла фартук, повесила на крючок.

— Я выйду на десять минут, — сказала она Антону. — Доведи соус. Я потом проверю.

Он кивнул.

Она вышла на улицу через служебный вход. Стояла на бетонных ступенях, смотрела на небо. Майское, голубое, с редкими белыми облаками. Тепло. Пахло сиренью и пылью. Обычный день в обычном городе. Но внутри — холодок. Она чувствовала его в груди, в животе, в кончиках пальцев. Холод, который не проходил.

Она достала телефон. Набрала номер отца. Сергей Ветров ответил после второго гудка:

— Женя? Ты рано.

— Пап, у меня проблема.

— Какая?

— Я нашла кое-что. В мясе. От «Тамбовских угодий».

Отец помолчал.

— Что ты нашла?

Она не ответила. Сказала:

— Ты знаешь что-нибудь о них? О «Тамбовских угодьях»? О Рубанове?

— Ты же сотрудничаешь с ними пять лет. Что случилось?

— Пап, ответь. Ты что-нибудь знаешь? Ты работал на «Пороховом». Ты знаешь этот район, этих людей. Они связаны?

Отец помолчал дольше. Потом сказал:

— Женя, не лезь в это. Я не знаю, что ты нашла. Но если это что-то плохое, ты должна отойти в сторону. Не связывайся с ними.

— Почему?

— Потому что это не твоё дело. Ты повар. Готовь еду. Не лезь в то, что тебя не касается.

Она сжала телефон.

— Это моё дело, пап. Я кормлю людей. И если в моей еде... — Она не договорила. Не могла произнести это вслух.

— Женя, — сказал отец. — Будь осторожна. Я не шучу.

Он отключился.

Женя смотрела на телефон. Она не знала, что делать. Чувствовала: отец что-то знает. Но он молчит. Он всегда молчит, когда дело касается опасности. Он привык защищать её от правды. Но сейчас она не хотела защиты. Она хотела знать.

Она вернулась в ресторан. Прошла на кухню, взяла телефон, набрала номер «Тамбовских угодий». Трубку взяли только после долгих гудков:

— Мясокомбинат, — произнёс голос. — Слушаю.

— Это Евгения Ветрова из «Атмосферы». У меня вопросы по поставке.

— Соединяю с завхозом.

Телефон переключился. Тишина. Потом женский голос:

— Вас слушают.

— Кто отвечает за поставки?

— Савелий Петрович. Он уже выехал к вам. У него тоже есть вопросы.

Женя застыла.

— Он едет ко мне?

— Да. Он сказал, что вы нашли что-то в мясе. Он хочет проверить.

— Откуда он знает?

— Вы звонили на комбинат вчера. Оставили сообщение. Мы перезвонили Савелию Петровичу. Он выехал.

Женя сжала трубку.

— Спасибо, — сказала она и отключилась.

Смотрела на салфетку с коронкой. Смотрела на холодильник, где лежал пакет с мясом. Смотрела на дверь — ту, что вела в зал.

Через десять минут Савелий будет здесь. Она не знала, кто он. Но она чувствовала — он знает о коронке. Он знает больше, чем говорит. И он уже едет к ней.

Женя взяла нож. Положила его на стол. Смотрела на лезвие — отточенное, чистое, холодное. Потом на свои руки, которые всё ещё дрожали.

Запах металла снова ударил в нос. Реальный или воображаемый — она не знала. Но он был.

Дверь служебного входа открылась.

ГЛАВА 2

Время: 15 мая 2025, 10:15

Место: Тамбов, ресторан «Атмосфера», служебный кабинет

Кабинет был крошечным — три на три метра, с узким окном, выходящим в глухой двор. Стол, два стула, старый сейф, который Женя унаследовала от предыдущего арендатора, и стеллаж с документами. Она всегда хотела сделать здесь ремонт, но руки не доходили — сначала кредит, потом первые прибыльные месяцы, потом расширение меню, потом новый повар. Всё это отодвигало ремонт на задний план. Теперь она сидела за столом, смотрела на салфетку с коронкой и понимала, что ремонт в кабинете — это последнее, о чём она думает.

Она развернула салфетку. Коронка лежала на белой ткани — маленькая, жёлто-серая, с потёртостями и налётом. Женя взяла её в руки, поднесла к свету. Обычный зубной протез. Старый, дешёвый, советский. Такие ставили в поликлиниках бесплатно — металлическая основа, керамическое покрытие, которое уже почти стёрлось. Такие носили её бабушка, её соседи, все, кто не мог заплатить за импортные материалы.

Она повернула коронку. На внутренней стороне — гравировка. «С-37-82». Три символа, две цифры. Она не знала, что это значит. Может быть, номер пациента. Может быть, год. Может быть, кодовое обозначение из советской системы учёта. Она не была стоматологом, не разбиралась в этом. Но она знала одно: это не деталь оборудования. Это чей-то зуб. Человеческий.

Женя положила коронку на стол. Её пальцы дрожали. Она сжала их в кулаки, заставила себя успокоиться. Она сама вытянула ресторан из долгов, сама платила зарплаты, сама решала проблемы. Она привыкла справляться одна. Отец научил её не просить помощи. «Если можешь сделать сам, сделай. Если не можешь — научись», — говорил он. Она научилась. Всегда находила выход. Но сейчас она понимала: одна не справится.

Она взяла телефон. Набрала номер «Тамбовских угодий». Трубку не брали — гудки, автоответчик, сброс. Она набрала второй раз — то же самое. Третий — и она уже знала, что никто не ответит. Она оставила сообщение:

— Это Евгения Ветрова из ресторана «Атмосфера». У меня проблемы с вашей поставкой. Передайте Григорию Викторовичу, что я жду звонка. Срочно.

Она нажала отбой. Смотрела на телефон, ждала. Прошло пять минут. Десять. Ничего.

Женя открыла ноутбук, вбила в поиск: «С-37-82 Тамбов». Ничего. «Стоматология Тамбов 1982». Ничего. «Гравировка на зубных протезах». Статьи, форумы, но без ответа на её вопрос. Она закрыла ноутбук.

В кармане фартука завибрировал телефон. Она вытащила. Незнакомый номер. Ответила:

— Слушаю.

— Евгения Сергеевна? — Голос был низким, спокойным, с лёгкой хрипотцой. Мужчина. Незнакомый.

— Да. Кто это?

— Григорий Викторович Рубанов. Вы оставили сообщение.

Женя выдохнула. Владелец мясокомбината. Она ни разу не говорила с ним напрямую — все поставки шли через его заместителей, через завхозов, через менеджеров. Рубанов был фигурой в Тамбове, о которой знали, но которую редко видели. Она слышала, что он держит несколько магазинов, один крематорий на окраине, что он вхож в городскую думу. Но голос его звучал проще, чем она ожидала.

— Григорий Викторович, я хотела спросить о поставке.

— Я знаю. Савелий Петрович мне уже доложил. У вас возникли вопросы к качеству?

— Да, — сказала Женя. — Я нашла в мясе посторонний предмет.

Рубанов помолчал. Секунда. Две. Потом сказал ровно, без напряжения:

— Что за предмет?

Женя посмотрела на коронку. Сжала трубку.

— Металлическая деталь. Похожа на зубную коронку.

Молчание. На этот раз дольше. Она слышала, как он дышит — ровно, спокойно. Когда он заговорил, голос был таким же ровным:

— Это старый брак, Женя. На бойне могли остаться детали оборудования. Такое иногда случается. Мы сменим партию. Пришлём замену сегодня. Никаких проблем. Никаких претензий.

Женя слушала. Слова были правильные. Убедительные. Но внутри неё что-то сопротивлялось. Отец учил её доверять интуиции. И интуиция кричала: он врёт.

— Григорий Викторович, — сказала она. — На коронке гравировка. Номер. «С-37-82». Какое оборудование оставляет такие отметки?

Молчание. Она почти видела, как он подбирает слова. Как решает, что сказать.

— Это номера партий, — сказал он наконец. — У нас старая система учёта. Ещё с советских времён. Иногда бирки попадают в мясо при разделке.

— Но это не бирка. Это зубная коронка.

— Женя, — он сказал её имя мягко, почти по-отечески. — Ты хороший повар. Я знаю твой ресторан, я там ел. Не надо искать проблемы там, где их нет. Это брак. Мы заменим партию. И дадим тебе скидку на следующую. Хорошо?

Она хотела сказать: «Нет, не хорошо». Хотела спросить: «Почему твой завхоз уже едет ко мне, если это просто брак?». Хотела сказать: «Я не верю тебе». Но она не сказала. Она нажала отбой.

— Хорошо, — сказала она в пустоту. — Спасибо.

Она положила телефон на стол. Смотрела на коронку. Она лежала там, маленькая, жёлто-серая, с потёртостями. Похожая на деталь оборудования? Женя усмехнулась. Нет. Она не была похожа. Она была человеческой. Она была чьим-то зубом. И кто-то вложил его в мясо. Или он оказался там случайно. Или это не случайно.

Она взяла телефон, открыла камеру. Сфотографировала коронку — крупно, с двух сторон, с гравировкой. Потом сфотографировала пакет с мясом. Потом себя — без причин, просто чтобы проверить, как она выглядит. Она выглядела бледной. На фото был виден страх. Она удалила фото.

Женя встала. Подошла к сейфу. Открыла его старым ключом, положила коронку внутрь, заперла. Теперь её не было на столе. Но она была в голове. Она была везде.

Она повернулась к ноутбуку. Решила ещё раз проверить «С-37-82». Может быть, это номер дела. Может быть, это архив. Может быть, это... Она не знала. Она уже ввела запрос, когда услышала звук. Лёгкий, почти незаметный. Шаги в коридоре. Она думала, это Антон или Коля, но шаги были слишком медленными. Слишком уверенными.

Она подняла голову и застыла.

В проёме кабинета стоял мужчина. Он стоял там, прислонившись плечом к дверному косяку, и улыбался. Женя не видела, как он вошёл. Она не слышала, как открылась дверь служебного входа. Но он был здесь. Худой, высокий, с сединой в волосах. Лет пятьдесят, а может, шестьдесят. Длинные руки, спокойные глаза, лицо без возраста. Обычное лицо — не красивый, не страшный, не запоминающийся. Такие лица растворяются в толпе.

Он смотрел на неё. Улыбался.

— Евгения Сергеевна, — сказал он. Голос был тихим, вкрадчивым, почти музыкальным. — Я завхоз «Тамбовских угодий». Савелий Петрович. Извините, что без стука. Дверь была открыта.

Она смотрела на него, вжимаясь в кресло. Ладони вспотели. Руки сами легли на стол, пальцы сжались в кулаки.

— Что вам нужно? — спросила она.

Савелий сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Он двигался бесшумно, как тень.

— Мне сказали, у вас есть проблемы с мясом. Я хочу проверить партию. Забрать её для экспертизы. Мы заменим вам продукцию.

Она посмотрела на него. Вспомнила коронку в сейфе. Вспомнила письмо. Вспомнила свет в пустом доме. Вспомнила, что он сказал — «Это моя коронка». Или ей показалось? Она заговорила, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем он был на самом деле:

— Я уже говорила с Григорием Викторовичем. Он сказал, что это брак.

— Григорий Викторович, — Савелий улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз, — он любит решать проблемы быстро. Но я предпочитаю решать их правильно. Покажите, что вы нашли.

Женя покачала головой.

— Я уже выбросила. Это был мусор. Незначительная деталь.

Савелий смотрел на неё. Его глаза не менялись — спокойные, тёмные, без единой эмоции. Он ждал. Молчал. Ждал. И этот взгляд был тяжелее любых слов.

— Выбросили, — повторил он. — Хорошо. Тогда я проверю остатки. Где партия?

— В холодильнике.

— Покажете.

Она встала. Прошла мимо него, чувствуя его близость, его спокойствие. Холод, исходящий от него, был таким же, как запах металла, который она чувствовала с утра. Или это ей казалось?

Она привела его на кухню. Открыла холодильник. Пакет с мясом лежал на верхней полке. Она взяла его. Протянула Савелию.

— Вот. Всё.

Он взял пакет. Развернул. Посмотрел на мясо. Он смотрел на него долго — слишком долго для простого осмотра. Потом аккуратно завернул обратно.

— Спасибо, — сказал он. — Я проверю. Замена будет завтра.

Женя кивнула.

— Я провожу вас.

— Не надо.

Он ушёл так же бесшумно, как появился. Она слышала, как закрылась дверь служебного входа. Но только через минуту она выдохнула. Только через минуту поняла, что не дышала всё это время.

Она вернулась в кабинет. Закрыла дверь. Подошла к сейфу. Открыла его, потрогала коронку. Она была здесь. Савелий не знал, что она не выбросила её. Или знал? Или он вообще не о том думал?

Женя взяла телефон. Нашла в интернете страницу «Тамбовских угодий». В разделе «Контакты» — адрес, телефоны, фото коллектива. Одно фото. Девять человек в белых халатах стоят перед зданием. В центре — Григорий Рубанов, улыбающийся, с толстым животом и бородкой. Рядом с ним — Савелий. Тот же взгляд. Те же спокойные глаза. Женя смотрела на него и чувствовала холодок. Она увеличила фото. Присмотрелась к его рукам. Длинные, тонкие пальцы. На правой — она заметила что-то тёмное. Татуировка? Или грязь?

Она не могла разглядеть.

Закрыла страницу. Посмотрела на коронку. Взяла её, поднесла к глазам. «С-37-82». Что-то щёлкнуло в голове. Она вспомнила — она видела эту комбинацию раньше. Не в интернете. Не в документах. Где-то в городе. На табличке? На здании? Она не могла вспомнить.

Женя снова открыла ноутбук. Вбила в поиск: «Тамбов С-37». Вывалилась куча ссылок на госуслуги, на старые объявления, на сайты. Ничего. Она добавила: «Тамбов С-37-82». Результатов не было. Она нажала Enter ещё раз. Ничего.

Она закрыла ноутбук. Взяла коронку. Решила проверить позже. И вдруг услышала звук за спиной.

Она резко обернулась.

В дверях стоял Савелий. Он стоял в проёме кабинета, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на неё с той же спокойной улыбкой.

— Я забыл сказать, — сказал он. — Это моя коронка.

Женя вжалась в кресло. Сердце ухнуло куда-то вниз. В горле пересохло. Она смотрела на него, не дыша.

Он не двигался. Просто стоял и улыбался.

А потом он повернулся и ушёл. Бесшумно, как тень. Только звук закрывшейся двери служебного входа — и тишина.

Женя смотрела на пустой дверной проём. Она не знала, как он вернулся. Она не знала, как он оказался за её спиной. Она не знала, видит ли он, что коронка у неё. Но она знала одно: он знает больше, чем говорит. И он будет следить за ней.

Она сжала коронку в руке. Холодный металл обжигал пальцы.

ГЛАВА 3

Время: 15 мая 2025, 10:20

Место: Тамбов, ресторан «Атмосфера», служебный кабинет

Женя не слышала, как открылась дверь.

Она смотрела в пустой дверной проём, где только что стоял Савелий, и не могла заставить себя пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле, ладони были влажными, пальцы всё ещё сжимали коронку. Холодный металл впивался в кожу, оставляя красные следы.

Она не знала, сколько прошло времени. Может, минута. Может, пять. Она смотрела на дверь и ждала, что он вернётся. Снова появится в проёме. Снова скажет что-то тихое, вкрадчивое, от чего кровь стынет в жилах.

Но дверь молчала.

Женя медленно разжала пальцы. Коронка упала на стол с глухим стуком. Она смотрела на неё, на этот маленький кусок металла, который перевернул её утро. Её день. Её жизнь.

Отец всегда говорил: «На заводе каждый знает друг друга по имени. Если человек смотрит тебе в глаза, значит, он ничего не скрывает». Сергей Ветров проработал на «Тамбовском пороховом» тридцать пять лет. Он знал всех — от директора до уборщицы. Он привык к открытым лицам, к прямым взглядам, к честным рукопожатиям. Он научил Женю читать людей по глазам. «Если глаза бегают — врут. Если смотрят в упор — либо говорят правду, либо хороший актёр». Савелий смотрел в упор. Но в его глазах не было правды. Там была пустота.

Она подняла коронку, повертела в пальцах. «С-37-82». Что это? Номер партии? Она не верила. Рубанов сказал то же самое — «номера партий, старая система учёта». Но Савелий сказал это иначе. Он сказал это так, как будто сам не верил в то, что говорит. Как будто читал заученный текст.

Женя услышала шаги в коридоре. Тяжёлые, уверенные. Она подняла голову, ожидая снова увидеть Савелия. Но в дверях стоял Антон — молодой повар, вытирающий руки о фартук.

— Женя, ты в порядке? — спросил он. — Я видел, как тот мужик выходил. Что-то случилось?

Она покачала головой.

— Всё нормально. Просто поставщик.

Антон посмотрел на неё с сомнением. Он работал у неё два года, знал, когда она врёт.

— Ты бледная. И руки дрожат.

— Я сказала, всё нормально, — повторила она твёрже. — Иди на кухню. Соус проверь.

Антон кивнул, но не ушёл. Постоял ещё секунду, глядя на неё, потом развернулся и исчез в коридоре.

Женя выдохнула. Она снова посмотрела на коронку. И вдруг поняла: Савелий не взял её. Он ушёл, но коронка осталась на столе. Он специально оставил её? Или забыл? Или это был тест — проверить, что она сделает?

Она встала. Подошла к двери, выглянула в коридор. Пусто. Только гул холодильников из кухни и тихий звон посуды. Она вернулась к столу, взяла коронку, подошла к сейфу. Открыла его ключом, положила коронку внутрь, закрыла. Заперла.

Теперь она была в безопасности. Или ей так казалось.

Она села за стол, открыла ноутбук. Снова вбила в поиск: «С-37-82 Тамбов». Ничего. «Стоматология Тамбов С-37». Ничего. «Гравировка С-37». Она пролистала страницы, перешла на форумы, на старые объявления. Ничего.

Она закрыла ноутбук. Потерла лицо руками. Она чувствовала себя разбитой, хотя был только десятый час утра. День только начинался, а она уже хотела, чтобы он закончился.

Телефон завибрировал. Она вздрогнула, чуть не уронила его. На экране — незнакомый номер. Она ответила, стараясь, чтобы голос звучал спокойно:

— Да?

Тишина. Только дыхание — ровное, спокойное. Она ждала.

— Евгения Сергеевна, — голос был низким, почти шёпотом. Она узнала его сразу. Савелий.

— Что вам нужно?

— Вы не выбросили коронку, — сказал он. Не вопрос. Констатация факта.

Женя сжала телефон. Пальцы побелели.

— Я выбросила.

— Нет. Она у вас. В сейфе.

Она замерла. Он знает. Он знает про сейф? Он видел? Он стоял за дверью и смотрел? Или у него есть глаза в её кабинете?

— Я видел, как вы положили её в сейф, — сказал Савелий. — Вы думаете, что я ушёл. Но я не ушёл. Я смотрел в щель. Вы должны выбросить её.

— Это моя коронка, — сказала она. Голос дрогнул. — Я нашла её в своём мясе. Я решу, что с ней делать.

— Выбросите её, — повторил Савелий. — Или вы — следующая.

Он отключился.

Женя смотрела на телефон. «Или вы — следующая». Что это значит? Следующая в чём? В списке тех, чьи зубы оказались в мясе?

Она встала. Подошла к окну, выглянула во двор. Пусто. Только мусорные баки и мокрый асфальт. Никого. Она перевела взгляд на окно напротив — старый дом через дорогу. Третий этаж. Окно, в котором горел свет. Сейчас оно было тёмным. Но она знала: кто-то смотрел на неё оттуда. Савелий? Или кто-то другой?

Она вернулась к столу. Открыла сейф. Коронка лежала внутри, холодная, безобидная. Она взяла её, положила на стол. Смотрела на неё, на гравировку, на потёртости. Она должна была выбросить её. Но она не могла. Это была улика. Доказательство того, что кто-то лжёт. Рубанов, Савелий — они знали правду, но не говорили. Коронка была ключом. И она не могла отдать его.

Она взяла телефон. Набрала номер отца. Он ответил после первого гудка — как будто ждал её звонка.

— Женя, — сказал он. — Ты в порядке?

— Пап, я нашла что-то в мясе. Коронку. Зубную. С гравировкой «С-37-82». Что это?

Отец молчал. Долго. Так долго, что она уже хотела повторить вопрос.

— Женя, — сказал он наконец. — Я не знаю, что это. Но я знаю, что ты не должна лезть в это.

— Почему ты так говоришь? Ты знаешь что-то?

— Я знаю, что «Тамбовские уголья» — не просто мясокомбинат. У них есть связи. С городом, с милицией, с кем угодно. Если ты начнёшь копать, они тебя уничтожат.

— Пап, я уже начала.

— Тогда уезжай. Закрывай ресторан и уезжай из Тамбова. Пока не поздно.

— Я не могу. Это моя жизнь.

— Жизнь дороже ресторана, — сказал отец. — Запомни это.

Он отключился.

Женя смотрела на телефон. Она не знала, что делать. Отец никогда не пугал её. Он всегда говорил правду, даже если она была горькой. Если он сказал «уезжай», значит, он знает что-то, чего не говорит.

Она положила телефон на стол. Взяла коронку. Посмотрела на неё. «С-37-82». Что, если это номер дела? Что, если это номер человека, которого убили? Или номер, под которым хранятся останки?

Она открыла ноутбук. Ввела в поиск «С-37-82 Тамбов мясокомбинат». Нашла старую новость — пятилетней давности. Заметка о том, что на мясокомбинате «Тамбовские уголья» прошла плановая проверка. Ничего подозрительного. Всё в порядке. Она пролистала дальше. Нашла ещё одну новость — десятилетней давности. О том, что комбинат приобрели новые владельцы. Рубанов Григорий Викторович. И его партнёр — Зотов Савелий Петрович.

Она застыла. Савелий был партнёром Рубанова? Но он сказал, что он завхоз. Почему он скрыл, что он совладелец?

Она открыла страницу комбината. В разделе «Руководство» — Рубанов. Завхоз — Зотов. Но в старой новости Савелий был указан как партнёр. Что-то изменилось. Или кто-то хотел скрыть его роль.

Женя взяла телефон. Нашла в контактах номер частного детектива, который однажды помогал её знакомой с разводом. Набрала. Трубку взяли после третьего гудка:

— Морозов слушает.

— Здравствуйте, это Евгения Ветрова из ресторана «Атмосфера». Мне нужна ваша помощь. Я хочу нанять вас.

Голос на том конце был спокойным, профессиональным:

— О чём речь?

— О поставщике мяса. Я нашла в мясе человеческий зуб. Мне нужно узнать, что происходит на мясокомбинате «Тамбовские уголья».

Морозов помолчал. Потом сказал:

— Я знаю этот комбинат. Я давно слежу за ними. Встретимся завтра в десять утра. В кафе «Улитка». Скажете, что вы от Морозова. И не говорите никому.

Он отключился.

Женя смотрела на телефон. Завтра в десять. Она не знала, что он ей скажет. Но она знала: это первый шаг. Она не одна. Кто-то ещё знает о «Тамбовских угольях».

Она спрятала коронку в сейф. Закрыла его. Заперла.

Села за стол, положила голову на руки.

И вдруг услышала — сзади, за спиной, лёгкий скрип. Дверь. Она подняла голову. В проёме — Савелий. Он стоял, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на неё. Он смотрел на неё спокойно, без улыбки, без эмоций. Как смотрел бы на мясо.

— Вы не выбросили коронку, — сказал он.

— Я выбросила, — ответила Женя. Голос не дрогнул.

— Нет. Она у вас. Я знаю.

Он сделал шаг вперёд. Она встала, отступила к стене. Он приблизился, остановился в метре от неё. Посмотрел на неё в упор.

— Последний раз, Евгения Сергеевна. Выбросьте её. Или я выброшу вас.

Она смотрела на него. Не отводила взгляд. Она думала о том, что отец сказал: «Если глаза бегают — врут. Если смотрят в упор — либо говорят правду, либо хороший актёр». Савелий был хорошим актёром. Но она не хотела верить ему.

Он развернулся и ушёл.

Женя стояла у стены, сжимая кулаки. Она слышала, как закрылась дверь служебного входа. Через минуту пришло СМС: «ВЫБРОСИ КОРОНКУ. ИЛИ ТЫ СЛЕДУЮЩАЯ».

Она смотрела на экран. Её руки дрожали. Она убрала телефон в карман. Подошла к сейфу, открыла его, достала коронку. Посмотрела на неё. Потом положила обратно.

Она не выбросит её.

Никогда.

ГЛАВА 4

Время: 15 мая 2025, 11:00

Место: Тамбов, ресторан «Атмосфера», кухня

Женя вышла из кабинета и направилась на кухню. Ноги несли её почти автоматически — она могла пройти этот путь с закрытыми глазами. Поворот налево, мимо туалета, мимо кладовки с крупами, толкнуть дверь, и вот она — кухня. Её территория. Её убежище. Здесь она чувствовала себя в безопасности.

Но сегодня даже здесь было беспокойно.

Антон стоял у плиты, помешивая соус. Коля резал овощи за дальним столом. Они работали молча — чувствовали, что с ней что-то не так, но не спрашивали. Женя ценила это. Она не любила объяснять. Не любила, когда кто-то лез в её голову.

Она подошла к холодильнику, открыла дверцу. Холодный воздух ударил в лицо. Внутри — ряды упаковок, контейнеров, пакетов. Всё подписано, всё разложено по полкам. Она сама ввела эту систему пять лет назад, когда открыла ресторан. Каждый продукт на своём месте. Каждая партия — с датой поступления.

Она взяла оставшиеся упаковки от «Тамбовских угодий» — их было пять. Разные виды мяса: свинина, говядина, курица. Упаковки стояли на нижней полке, отдельно от остальных продуктов. Она смотрела на них и чувствовала, как в груди разрастается холодок. Тот самый, что появился вчера у двери.

Она вытащила первую упаковку — свиная вырезка. Поставила на стол, вскрыла вакуумную упаковку. Запах — обычный. Цвет — нормальный. Она провела пальцем по поверхности — гладкая, упругая. Никаких посторонних предметов. Она положила мясо на доску, нарезала тонкими ломтиками. Всё чисто.

Вторая упаковка — говяжья лопатка. Женя вскрыла, осмотрела, понюхала. Всё в порядке. Она перевернула мясо, проверила обратную сторону. Ничего.

Третья упаковка — куриные грудки. Она их почти не проверяла — курица была от другого поставщика, просто упаковка стояла рядом. Но сегодня она проверила и их. Всё чисто.

Четвёртая упаковка — свиной окорок. Женя открыла, осмотрела. Снова ничего.

Пятая упаковка — фарш. Она уже хотела отложить её, но что-то остановило. Она чувствовала — в ней было что-то. Она не знала, что. Просто чувствовала. Как чувствует свежесть мяса на расстоянии. Как чувствует, что соус пересолен, за секунду до того, как пробует.

Она вскрыла упаковку. Фарш выглядел нормально — ровный, однородный, без комков. Она перемешала его ложкой, разровняла по столу. И увидела.

Маленький блестящий предмет в глубине. Она замерла. Потом осторожно взяла пинцет — тот же, которым утром доставала коронку — и вытащила его.

Металлический ключ.

Старый, тяжёлый, с потёртостями. Обычный ключ — такой, каким открывают замки. Но не дверные — слишком маленький. Похожий на ключ от шкафчика. Или от сейфа. Или от почтового ящика. На нём была гравировка — номер «27».

Женя смотрела на него. Ключ был холодным, тяжёлым на ладони. Он не имел никакого отношения к мясопереработке. Никакого отношения к оборудованию. Никакого отношения к «производственному браку». Это был обычный ключ. Чей-то ключ, который оказался внутри мяса.

Она положила ключ рядом с коронкой. Смотрела на них — два предмета, найденные в двух разных упаковках. Коронка и ключ. Кому они принадлежали? Кто нёс их с собой? И как они оказались внутри мяса?

Она сняла фартук, повесила на крючок. Подошла к Антону.

— Я уйду, — сказала она. — До вечера.

Он удивлённо посмотрел на неё:

— У нас заказ на двенадцать, на два, на шесть. Ты что, хочешь всё отменить?

— Нет. Вы справитесь. Коля заменит меня на горячем. Если что — звоните.

— Женя, что случилось?

Она покачала головой:

— Ничего. Мне нужно решить пару вопросов с поставщиком. Я скоро вернусь.

Она не смотрела на него. Она знала, что если посмотрит — он прочтает по её лицу всё. Она умела скрывать эмоции от гостей, от официантов, даже от друзей. Но от Антона — нет. Он работал с ней два года, он видел её в разные моменты. Он знал, когда она ложётся.

Поэтому она не смотрела на него.

Она взяла свой рюкзак — старый, потёртый, с которым ходила на рынок за продуктами. Положила в него коронку и ключ, завернув их в бумажные салфетки. Застегнула молнию.

— Я скоро, — сказала она и вышла через служебный вход.

Улица встретила её теплом и запахом сирени. Майское солнце светило ярко, но Женя не чувствовала тепла. Она чувствовала только холод внутри. Тот холод, что рос с каждой минутой.

Она стояла на бетонных ступенях, сжимая рюкзак. Думала о том, что делать дальше. Ехать на мясокомбинат — одной? Савелий уже был здесь. Он знал, что она нашла коронку. Возможно, он знал и о ключе. Если она придет туда одна, он может быть готов. Он может ждать её. Но она не могла сидеть сложа руки. Она должна была узнать правду.

Она сделала шаг вперёд. И в этот момент услышала голос сбоку:

— Евгения Сергеевна.

Она резко обернулась. Во дворе, у самой стены ресторана, стоял мужчина. Лет пятидесяти, с короткой стрижкой, в простой тёмной куртке. Он смотрел на неё спокойно, без угрозы. Но она не знала его.

— Кто вы? — спросила она.

— Аркадий Морозов, — сказал он. — Мы не знакомы, но вы звонили мне сегодня. Я частный детектив.

Женя застыла. Она звонила ему меньше часа назад. Он не мог приехать так быстро, если только он не был рядом. Она смотрела на него с подозрением.

— Как вы здесь оказались?

— Я живу в соседнем доме, — он кивнул в сторону старой пятиэтажки через дорогу. — Я видел, как вы вышли. Я хочу с вами поговорить.

— О чём?

— О том, что вы нашли. О коронке.

Женя сжала рюкзак. Её руки дрожали.

— Откуда вы знаете о коронке?

— Я слежу за «Тамбовскими угожьями» уже год, — сказал Аркадий. — Я знаю, что там происходит. Знаю про пропавших людей. Знаю про Рубанова. Знаю про Савелия. Вы нашли не просто коронку. Вы нашли улику. Но если вы поедете на комбинат одна, вы не вернётесь.

Она смотрела на него, пытаясь понять, врёт он или говорит правду. Восемь лет работы в ресторане научили её читать лица. Она видела тысячи людей — гостей, поставщиков, проверяющих, конкурентов. Она знала, когда человек говорит правду, а когда притворяется. Аркадий смотрел прямо. Его голос был ровным. Его руки — спокойными. Но она не могла доверять ему. Не после того, как Савелий появился у неё в кабинете без стука.

— Почему вы мне помогаете? — спросила она.

— Потому что я хочу, чтобы это закончилось, — сказал он. — Я работал в полиции двадцать лет. Я знаю, что такое покрывать преступления. И я знаю, что такое раскрывать их.

Я ушёл из органов, но я не ушёл от правды. Этот комбинат — он убивает людей. И если никто не остановит их, они будут продолжать.

— Каких людей?

— Тех, кто не умеет молчать. Работников, которые видели что-то лишнее. Свидетелей, которые могли рассказать. И тех, кто просто оказался не в то время в не том месте.

Женя смотрела на него. Её сердце колотилось. Она хотела верить ему. Она хотела, чтобы кто-то был на её стороне. Но она не могла позволить себе доверять незнакомцу.

— И что вы предлагаете? — спросила она.

— Я предлагаю вам не ехать туда одной. Я предлагаю вам дать мне возможность помочь вам. Я знаю комбинат. Я знаю его слабые места. Я знаю, где искать доказательства. Мы можем сделать это вместе. Но не сегодня. Я должен подготовиться.

— У меня нет времени ждать. Савелий знает, что я нашла коронку. Он угрожал мне.

— Я знаю. Поэтому мы должны быть осторожны. Если он знает, что вы нашли коронку, он будет следить за вами. Он может ждать вас на комбинате. Если вы поедете одна — вы попадёте в ловушку.

Женя молчала. Она смотрела на него, на его глаза, на его руки. Она вспомнила разговор с отцом. «Если можешь сделать сам — сделай. Если не можешь — научись». Она привыкла справляться одна. Но сейчас она понимала: одна она не справится. Она не знала комбинат. Не знала его слабых мест. Не знала, кто там работает. Если Аркадий знает, если он может помочь, возможно, это её единственный шанс.

— Хорошо, — сказала она. — Мы сделаем это вместе. Но не откладывайте. Завтра. Я хочу поехать завтра.

Аркадий кивнул:

— Завтра. В пять утра. Мы поедем до того, как они начнут работать. Я буду ждать вас здесь, у входа.

— Как я узнаю, что вы не обманете меня?

Он улыбнулся, но улыбка была грустной:

— Вы не узнаете. Но у вас нет другого выбора.

Он развернулся и пошёл к своей машине — старой «Ладе», стоявшей у дома напротив. Женя смотрела ему вслед. Он сел за руль, завёл двигатель, уехал.

Она стояла на ступенях, сжимая рюкзак. Завтра в пять утра. Она поедет с ним на комбинат. Она найдёт правду. Или умрёт.

Она вернулась в ресторан, закрыла за собой дверь. Прошла на кухню. Антон и Коля работали молча. Она взяла нож, вернулась к разделочному столу. Начала резать овощи, стараясь успокоиться. Но руки всё равно дрожали.

Телефон в кармане завибрировал. Она достала, посмотрела на экран. Новое сообщение с незнакомого номера:

«ТЫ НЕ ОДНА. МЫ ЗНАЕМ. МЫ ВСЁ ЗНАЕМ».

Она смотрела на экран. «Мы». Кто «мы»? Савелий и Рубанов? Или кто-то ещё?

Она убрала телефон, продолжила резать. Но внутри неё разрастался холод. Тот холод, который она чувствовала вчера у двери. Сегодня у кабинета. Теперь — на кухне. Он был везде. Он не уходил.

И она знала: это только начало.

ГЛАВА 5

Вре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.